

- wochen-im-eigenen-garten-warum-urlaub-in-deutschland-langweilig-ist/25957600.html (accessed: 26.06.2020)
- Mattheson, D. (2005). *Media Discourses: Analysing Media Texts. Issues in Cultural and Media Studies [Media Discourses: Analyzing Media Texts. Issues in Cultural and Media Studies]*. N. Y.: Open University Press.
- Montgomery, M. (2007). *Discourse of Broadcast News. A Linguistic Approach*. Routledge.
- Rolfs, P. (2019, Mai). *Totes Facebook [Dead Facebook]*. Saarbrücker Zeitung. Retrieved from: https://www.saarbruecker-zeitung.de/nachrichten/meinung/standpunkt/glosse-zu-studie-ueber-soziales-netzwerk-totes-facebook_aid-38713165 (accessed: 26.06.2020)
- Schäfer-Hock, C. (2017). *Journalistische Darstellungsformen im Wandel: Eine Untersuchung deutscher Tageszeitungen von 1992 bis 2012 [Changing forms of journalistic representation: An investigation of German daily newspapers from 1992 to 2012]*. Springer-Verlag.
- Schneider, W., Raue P.-J. (2006). *Das neue Handbuch des Journalismus. Lizenzausgabe für die Bundeszentrale für politische Bildung [The new handbook of journalism. License issue for the Federal Agency for Civic Education]*. Band 561. Bonn.
- Talbot, M. (2007). *Media Discourse: Representation and Interaction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

УДК 81.27

<https://doi.org/10.25076/vpl.39.05>

Г.Т.Хухуни

Е.А. Комарова

Московский государственный областной университет

НОРМА, СТАНДАРТ, УЗУС

В век информационных технологий и глобализации процесс изменения языка ускоряется, что не может не влиять на узус и норму. Такая тенденция вызывает неоднозначную реакцию в русскоговорящем обществе, зачастую выражающуюся в опасении, что язык изменяется в худшую сторону. В статье

анализируется роль языковых норм, стандарта и узуса и то, как они связаны и влияют друг на друга в современном русском языке. Кроме того, авторы исследуют причины консервативного и предписательного отношения к языковой норме среди носителей русского языка, сравнивая с ситуацией в англо- и немецкоговорящих сообществах. Авторы устанавливают, что основная причина закрепления прескриптивной традиции в русском языке – историческая, заключающаяся в необходимости существенно повысить уровень грамотности среди населения в короткий срок в середине XX века. Для того, чтобы выявить отношение общества к языковой норме и изменчивости, был проведен опрос в форме закрытого анкетирования, в котором приняло участие 50 человек. В соответствии с полученными результатами были сделаны выводы о связи возраста и отношения к языковой норме: респонденты молодого возраста отдавали предпочтение дескриптивному подходу и проявляли положительное отношение к высокой степени языковой вариативности, в то время как респонденты старшего возраста оказались более консервативными в своих взглядах, предпочитая прескриптивный подход и меньшую степень языковой изменчивости и вариативности. В целом, среди респондентов всех возрастов отмечается негативное отношение к нарушениям языковой нормы.

Ключевые слова: языковая норма, стандартный (литературный) язык, узус, вариативность, языковая изменчивость, прескриптивизм, дескриптивизм, нарушение нормы

UDC 81.27

<https://doi.org/10.25076/vpl.39.05>

G.T. Khukhuni

E.A. Komarova

Moscow Region State University

LINGUISTIC NORM, STANDARD AND USAGE

In the age of information technology and globalization, the speed of language development is accelerating, which cannot but affect language usage and norms. This tendency causes an ambiguous

reaction in Russian-speaking society, which often makes native speakers worry that language may be degrading. This article analyses the role of linguistic norms, standard and usage, how they are linked and influence each other in modern Russian language. The authors examine the reasons for conservative and prescriptive attitude towards linguistic norm among native speakers of Russian language, comparing it with the situation in English and German speaking communities. The authors come to the conclusion that one of the main reasons for the establishment of prescriptive attitude in Russian language is historical circumstances, which imply having to increase literacy rate among population in a very short period of time in the middle of 20th century. In order to explore the attitude of society towards linguistic norm and variability, a survey was held in the form of a restricted questionnaire, in which 50 subjects took part. In accordance with the results obtained, conclusions were drawn about the correlation between age and attitudes towards the language norm: young respondents preferred the descriptive approach to language norm and spoke positively about the high level of language variability, while older respondents were more conservative in their views, preferring the prescriptive approach and smaller degree of linguistic variability. In general, there is a negative attitude towards violations of the language norm regardless of the age of the respondents.

Keywords: linguistic norm, standard (literary) language, usage, variation, language variability, prescriptivism, descriptivism, language norm violation

Введение

Для начала стоит обратиться к понятию нормы в лингвистике. Норма – совокупность традиционных, устойчивых элементов системы языка, считающихся наиболее пригодными для употребления в определенном обществе в определенный исторический период (Большая российская энциклопедия, Электронный ресурс). То есть, это представление коллектива носителей языка о том, что есть в их языке правильное, а что – неправильное. Некоторые исследователи разделяют понятие нормы на широкое и узкое (Крысин, 2017). В *широком* смысле норма близка к узусу, поскольку представляет собой явление более стихийное и «народное», в то время как норма в *узком*

смысле – результат целенаправленной кодификации языка. Норма закреплена в словарях и грамматиках и распространяется преимущественно на письменный язык. Важную роль в сохранении нормы играет стандартный (литературный) язык, который считается эталоном языка – этот вариант языка используют в различных государственных организациях, СМИ, ему обучают в образовательных учреждениях как носителей, так и иностранцев. В большинстве случаев норма и стандарт соответствуют узусу – общеупотребительному использованию тех или иных языковых единиц. Однако подход к установлению норм бывает разным. Различают два основных подхода: дескриптивный (описательный) и прескриптивный (предписательный) (Armstrong & Mackenzie, 2015). То, какой подход будет преобладать над другим, зависит от языковой традиции той или иной страны.

Роль языковой нормы в русском языке

Отношение к вариативности нормы и подход к ее описанию может сильно различаться в зависимости от языка и нередко отображает отношение к национальной и языковой идентичности его носителей. В русском языке норма преимущественно прескриптивна – она достаточно жесткая и обладает малой вариативностью. Причиной такой предписательной традиции служат исторические и культурные особенности. Большую роль в становлении такой ситуации сыграла языковая политика СССР. К примеру, если в 1917 г. грамотность населения России была на достаточно низком уровне, от 23 до 50% в зависимости от региона, то к 1926 г. грамотными были 60% населения, а к 1959 г. – 98,5% (Ефимова & Долгих, 2016). Причиной такого резкого повышения грамотности стали различные кампании по ликвидации безграмотности населения, проводившиеся в 1920-х годах, а также введение с 1930 г. обязательного школьного (как минимум начального) обучения для всех граждан СССР. Таким образом, переход к всеобщей грамотности населения можно назвать форсированным. В рамках ликбеза шла активная деятельность по разработке нормативных словарей, кодификации норм. Логично, что в данных условиях издаваемые нормы обладали слабой вариативностью – перед государством стояла задача обеспечить образованием каждого гражданина в кратчайшие сроки. Помимо этого, данная языковая политика имела под собой идеологическую

подоплеку: все граждане должны быть равны, вне зависимости от места проживания и рода деятельности, следовательно, речь каждого должна соответствовать общепринятой кодифицированной норме (Никипорец-Такигава, 2004).

Складывается ситуация, в которой диалект начинает считаться «непрестижным», а человек, который говорит на диалекте – необразованным. Чтобы добиться карьерных высот, человеку приходилось избавляться от своего родного говора, дабы не выглядеть малообразованным жителем сельской местности. Литературный стандартный язык воплощал в себе идеал, к которому должен стремиться всесторонне развитый гражданин СССР. При этом диалект считался проявлением «старорежимности» и индивидуализма. Диалекты воспринимались как языковой признак сельского населения, не имеющего перспективы в политическом плане и тормозящего переустройство деревни в социалистическое русло (Калнынь, 2015). Диалект передавался из поколения в поколение преимущественно в сельской местности; после Великой отечественной войны ускорился процесс урбанизации – население, особенно молодежь, массово уезжало из деревень. Таким образом, региональные диалекты, закрепленные в языке только в устной форме, начали постепенно утрачивать свою значимость в языковой среде, в то время как новая кодифицированная норма все прочнее укреплялась в сознании носителей языка. Безусловно, сам переход к новой политической системе поспособствовал смене языковой парадигмы: нужен был такой вариант языка, который объединит множество национальностей, проживающих на территории СССР, и станет *lingua franca* для жителей всех Союзных республик. Можно сказать, что исчезновение диалектов расценивалось как проявление социального прогресса, избавляющего новое государство от пережитков прошлого. Отношение к диалекту, как к свидетельству необразованности человека, в русском языке сохраняется по сей день: многие исследователи диалектов отмечают, что в лингвистических экспедициях сталкиваются с трудностями, опрашивая информантов – многие из них стесняются говорить на своем диалекте (Словари XXI века, Электронный ресурс).

Нарушение языковых норм порицается еще больше, чем наличие диалекта. Человек, нарушающий нормы языка, воспринимается достаточно негативно, поскольку грамотность как соответствие языковому стандарту служит маркером образованности. Согласно социологическим исследованиям, у трети опрошенных россиян ошибки в речи и письме вызывают раздражение, что свидетельствует о том, что соблюдение языковых норм играет важную роль в сознании носителей русского языка (Фонд общественного мнения, Электронный ресурс).

Норма в англо- и немецкоговорящем обществе

Далеко не во всех языках мира подход к норме так же консервативен, как в русском. К примеру, не существует официального органа, который бы устанавливал универсальные нормы английского языка. Из-за большого числа носителей существует множество вариантов «правильного английского». Безусловно, есть стандарт – т.н. ‘Standard English’, однако в каждой англоговорящей стране он свой, будь то General American, United Kingdom Standard English, General Australian, и многие другие. Ситуация усложняется большим количеством местных диалектов (особенно в Великобритании), а также иностранцев, для которых английский является *lingua franca*. Получается, что язык один, а акцент и/или диалект становятся средством выражения своей идентичности и принадлежности к той или иной группе. В данной языковой ситуации сложно представить предписательный подход к нормам – английский является языком международного общения, и его преимущество заключается в том, что каждый может его подстроить под свою действительность и индивидуальность. В общественном понимании (речь идет о мировой общественности) английский служит некой базой, с помощью которой каждый может самовыражаться и при этом быть понятым – данная мысль лежит в основе феномена World Englishes. Стоит упомянуть, что прескриптивизм нецелесообразен в английском языке не столько из-за количества говорящих на нем, сколько из-за смешения самых разнообразных культур ввиду глобализации, а также исторических особенностей развития этого языка. Само же понятие «прескриптивизм» в академической среде носителей английского языка обладает преимущественно

негативной коннотацией из-за его ригидности, субъективности и слаборазвитой вариативности. В то же время дескриптивный подход представляется как наиболее беспристрастный и объективный, и являющийся «синонимом научного подхода к описанию языка» среди лингвистов (Германова, 2019).

Однако на практике дескриптивность норм английского языка в то же время может быть недостатком. К примеру, многие туристы, приезжающие в Великобританию, жалуются на трудности, которые они испытывают при коммуникации с местным населением. Тот вариант английского, который традиционно преподают как иностранный (как правило, это General American или Received Pronunciation) имеет мало общего с настоящей речью большинства британцев (по различным оценкам, на RP говорит около 5% населения) (Upton, 2015). Большое разнообразие акцентов и диалектов, которые могут существенно отличаться от условно принятого стандарта как фонетически, так и лексически (в некоторых случаях грамматические и синтаксические изменения также имеют место), приводит к тому, что информация, полученная в процессе коммуникации, частично или полностью искажена.

В немецком языке ситуация несколько иная. Нормы немецкого достаточно прескриптивны; существует унифицированный стандарт для всех немецкоговорящих стран – Hochdeutsch (литературный немецкий), отличающихся строгими письменными и устными нормами. В немецкоязычном пространстве также существует большое количество самых разнообразных диалектов и акцентов, однако Hochdeutsch преимущественно базируется на верхненемецких диалектах. Поскольку, на первый взгляд, немецкоязычное общество является достаточно однородным и проживает компактно на территории Западной и Центральной Европы, такой предписательный подход кажется логичным. В западном обществе высоко развит индивидуализм, и на практике идея объединить народ посредством универсальных правил языка воплощается не в полную меру. Языковая ситуация неоднозначна: немцы, австрийцы и швейцарцы продолжают говорить на местных диалектах, а Hochdeutsch используют в качестве lingua franca и языка государственных учреждений и СМИ. Диалекты пользуются определенным пиететом как часть национальной культуры

(Калнынь, 2015). Их употребление нежелательно лишь на официальном уровне, в то время как использование диалекта в быту служит выражением своей культурной идентичности.

Примером не самой удачной прескриптивной языковой политики служит реформа немецкого правописания 1996 года, которая ставила перед собой цель упростить немецкую орфографию. Реформа была принята на федеральном уровне и подверглась критике (Морген, 2005). Ее игнорировали не только сами граждане, но и некоторые СМИ (например, Axel-Springer, Der Spiegel, Süddeutsche Zeitung). Реформа была настолько неоднозначно встречена обществом, что в землях Шлезвиг-Гольштейн и Бавария по результатам народного референдума было принято решение перейти к дореформенным правилам правописания. Тем не менее, на территории всех немецкоязычных земель правописание после реформы 1996 года является единственным верным вариантом, который принят на официальном уровне.

Как языковая норма и стандарт связаны с узусом в русском языке

Норма, стандарт и узус являются понятиями, тесно связанными друг с другом. Логично предполагать, что нормативный стандартный язык базируется на узусе, включающем те языковые средства, которые использует большинство носителей языка. Однако в русском языке, ввиду прескриптивности его норм, связь между узусом и нормами не всегда очевидна. В контексте общепринятого подхода в русской лингвистике норма объединяет в себе традицию и целенаправленную кодификацию (Крысин, 2017). В данном случае нормы зачастую основываются не на частоте употребления той или иной языковой единицы, а договоренности между учеными, издающими нормативные словари и грамматики. Кодификаторы нередко ориентируются не на какую-то абстрактную общность высокообразованных слоев населения, а на свой собственный узус, а также узус своего окружения; таким образом, региональные, а также периферийные варианты языка часто выходят за рамки кодификации, ставя под сомнение универсальность нормы как таковой для всех носителей языка (Беликов, 2009).

Поскольку предполагается, что нормы русского языка императивны и едины для всех носителей, это может приводить к расхождению узуса и нормы в некоторых случаях. Это расхождение заметнее всего проявляется в фонетических (особенно орфоэпических) нормах. Ударение в русском языке свободное и подвижное, что приводит к большому количеству вариантов произношения одного и того же слова. При этом норма в большинстве случаев предполагает только один вариант ударения. В некоторых словах ненормативное ударение становится систематическим, например, *жалюзи*, *звонит*, *торты*, *искра* и многие другие. В таком случае уместно говорить о возможности включения второго варианта ударения в норму, однако, в силу слабой подвижности правил, процесс изменения орфоэпической нормы происходит достаточно медленно. Тем не менее, в последнее время разновариантность ударения становится более распространенной: в таких словах, как *одновременно*, *мастерски*, *мизерный* оба варианта стали равноправны. Одним из ярких примеров влияния разговорного узуса на уже устоявшуюся норму является слово кофе, точнее его род. С точки зрения грамматики подобная ошибка (употребление слова кофе в среднем роде) является логичной и мотивированной – слова, оканчивающиеся на -о/-е, следует употреблять в среднем роде. Однако изначально пришедшая в русский язык форма этого слова звучала как *кофий* и употреблялась в мужском роде. Со временем окончание изменилось, а мужской род так и остался, вводя в заблуждение подобным несоответствием носителей русского языка. С 2009 года средний род этого слова считается вариантом разговорной нормы, в то время как мужской род продолжает считаться единственно допустимым вариантом в литературной, официальной, публицистической речи. В данной ситуации мы наблюдаем, что литературная норма остается менее подвижной, чем разговорная, строго придерживаясь устоявшихся правил. Нередко бывает так, что за грубую ошибку или просторечную форму считают вариант, который ранее был нормативным, как, например, в XIX веке произношение *плотит* для формы *платит*, для формы *запрячь* – *запречь*, а для формы *тряс* – *трёс*; сейчас же подобное произношение будет служить маркером неграмотности (Шмелев, 2014).

Тем не менее, общие тенденции демократизации языка влияют на узус, способствуя возникновению и укреплению новых языковых единиц и конструкций в нормативном варианте языка. Наиболее актуальным аспектом данных изменений является большое количество заимствований из иностранных (преимущественно английского) языков. Так, в качестве прилагательных могут выступать заимствованные существительные (сочетания типа *Интернет-портал*, *бизнес-план*, *блок-схема*). Куда более традиционными сочетаниями были бы конструкции типа *портал Интернета* или *план бизнеса*, однако подобные конструкции не прижились ни в кодифицированной норме, ни в рамках узуса (Крысин, 2017). С каждым годом в обиход вводится большое количество иностранных языковых элементов, делая невозможным постоянное сопротивление всему новому, особенно в век ускоренного развития технологий. Если для описания нового явления или предмета не находится достаточно средств в родном языке, то оно неизбежно определяется при помощи заимствования из иностранного. Таким образом, можно предположить, что процессы глобализации и в дальнейшем продолжат влиять на узус языка, оказывая давление на кодифицированную норму, постепенно делая ее более гибкой.

Методы и материалы исследования

Методы исследования, задействованные в этой работе: метод полевого (социолингвистического) исследования, заключающийся в составлении и проведении закрытого опроса и последующей интерпретации его результатов, а также общенаучный метод анализа данных и специальной литературы.

Основным материалом нашего исследования стали результаты социолингвистического опроса; всего было обработано 50 анкет, общее количество ответов – 700. Опрос проводился в закрытой форме, с закрытым списком вопросов (с возможностью множественного выбора в одном из вопросов). Форма закрытого опроса была выбрана ввиду более четкой структуры и удобства последующей обработки результатов. Опрос проводился в формате онлайн при помощи сервиса Google Forms. Мы намеренно не опрашивали филологов и лингвистов, поскольку их взгляд на язык может быть достаточно специфичным (то есть, нетипичным для обычного носителя языка) и несколько исказить

общую картину. Нам было важно выяснить, каков наиболее распространенный, типичный взгляд среди членов русскоговорящего общества на языковую норму. Половозрастная структура опроса выглядит следующим образом – 72% респондентов женского пола и 28% мужского; 56% отметили свой возраст в диапазоне 14-35 лет, 24% 35-55 лет, 20% старше 55 лет. Среди респондентов сложно выделить преобладающий род занятий – опрос проходили как школьники и студенты, так и работники сферы образования, здравоохранения, торговли, производства, финансов, информационных технологий и т. д. Стоит упомянуть, что большинство опрошенных проживают в Москве и Московской области.

Анкета состоит из 14 вопросов и составлена так, чтобы определить, как человек относится к необходимости соблюдать языковые нормы, как он относится к нарушению языковых норм, языковой изменчивости и вариативности, насколько его собственный укус соответствует норме, а также какая позиция к описанию норм ему ближе: описательная или предписательная. Большая часть вопросов несколько упрощена для восприятия человека, не имеющего каких-либо углубленных знаний лингвистики. К примеру, нарушение языковых норм заменено такими словами и словосочетаниями, как «неграмотность», «ошибки в речи и письме», а вопрос, выявляющий соответствия укуса респондента языковой норме, звучит, как «Считаете ли Вы себя грамотным человеком?», поэтому важно подчеркнуть, что в нашем опросе грамотность приравнивается к соблюдению языковых норм.

Ниже приведен список вопросов и возможных вариантов ответа на них (курсивом выделены вопросы; косая черта разделяет варианты ответа):

- *Укажите Ваш пол:* Мужской/ Женский
- *Укажите свой возраст:* 14-35/ 35-55/ Старше 55
- *Укажите Ваше образование (неоконченное включительно):*
Среднее общеобразовательное/ Среднее профессиональное/Высшее (бакалавриат/магистратура/специалитет)/Высшее послевузовское (аспирантура/ординатура)

- *Считаете ли Вы себя грамотным человеком (попытайтесь ответить честно)?*: Обладаю высокой степенью грамотности – крайне редко делаю ошибки/ Достаточно грамотен, но ошибки иногда бывают/ Считаю свой уровень грамотности средним, нередко делаю ошибки/ Обладаю низким уровнем грамотности и часто делаю ошибки
- *Насколько часто Вы замечаете ошибки в речи и письме других людей?*: Часто/ Иногда/ Редко или никогда
- *Раздражают ли Вас ошибки в речи и письме?*: Скорее раздражают/ Скорее не раздражают
- *Если раздражают, то какие считаете наиболее раздражающими (возможно несколько вариантов ответа)?*: Орфографические/ Орфоэпические и фонетические/ Пунктуационные и синтаксические/ Общее непонимание грамматики и морфологии языка/ Лексические/ Наличие ярковыраженного говора или акцента/ Просторечные формы/ Заимствования из иностранных языков/ Сленг, жаргон/ Ненормативная лексика
- *Насколько важным вы считаете умение говорить и писать грамотно, соответствовать нормам языка?*: Считаю очень важным/ Считаю важным/ Считаю неважным
- *Считаете ли Вы человека, нарушающего языковые нормы, необразованным?*: Скорее да/ Скорее нет
- *Считаете ли Вы правила русского языка слишком сложными и запутанными для восприятия?*: Скорее да/ Скорее нет
- *Какая позиция Вам больше симпатизирует: 1 – Правила русского языка должны оставаться неизменными/ 2 – Правила должны подстраиваться под то, как говорит большинство носителей языка, и меняться в течение времени в соответствии с этим большинством*
- *Если Вы выбрали первое высказывание, то почему?*: Изменение правил приведет к «засорению» языка/ Мы должны оберегать русский язык в том виде, в котором он есть сейчас, как культурное и историческое наследие/ Привычнее и удобнее придерживаться уже имеющихся правил
- *Если Вы выбрали второе высказывание, то почему?*: Язык должен подстраиваться под человека, а не наоборот/ Язык должен

изменяться в связи с прогрессом/ Появилось много новых слов, которые нужно включить в словари

- *Большое разнообразие диалектов и акцентов – это хорошо или плохо?*: Скорее хорошо: чем больше разновидностей языка, тем он богаче и интереснее/ Скорее плохо: речь всех носителей должна более или менее соответствовать общепринятому стандарту
- *Как Вы относитесь к тому, что у одного слова может быть несколько вариантов правильного написания/произношения?*: Скорее положительно: так язык будет более гибко подстраиваться под носителей (например, из разных регионов)/ Скорее отрицательно: это приводит к путанице, все-таки для удобства должен быть единый стандарт для всех.

Результаты и обсуждение

Наибольший интерес для нашего исследования представило влияние половозрастных характеристик, а также уровня образования респондента на ответы. Нами было выделено три возрастные группы – 14-35 лет, 35-55 лет, и группа тех, кто старше 55. Такой выбор не случаен: первая группа получала среднее и высшее образование уже после распада СССР, вторая группа застала систему советского образования в более поздний период его существования, к моменту которого грамотность населения была на очень высоком уровне, третья группа более старшего поколения застала тот период, когда грамотность была еще не повсеместной, а уровень урбанизации не такой высокий (например, их родители могли быть родом из сельской местности, отчего их речь могла отличаться от стандарта).

Один из первых вопросов был направлен на то, чтобы выявить степень соответствия узуса респондента языковым нормам. Здесь четко прослеживается связь с уровнем образования респондента: респонденты с высшим образованием чаще отмечали высокую и очень высокую степень соответствия нормам:

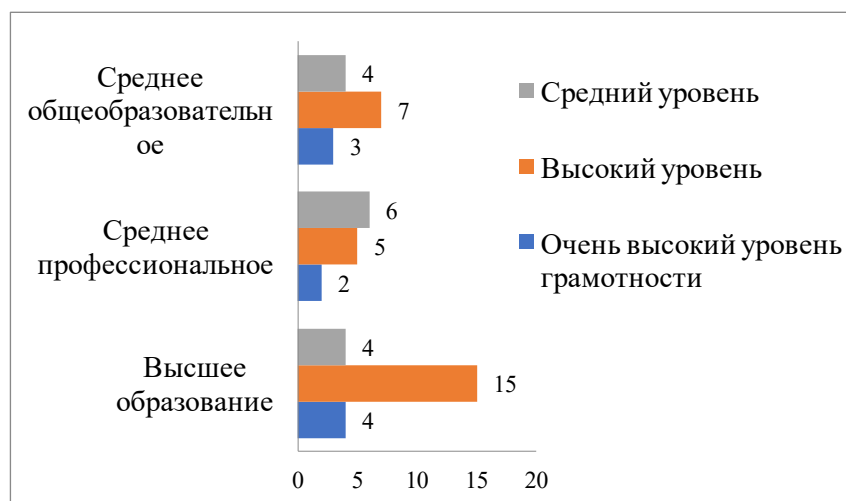

Таблица 1

Что примечательно, респонденты со средним профессиональным образованием чаще остальных отмечали свой уровень грамотности как «средний». Возможно, это связано с тем фактом, что в таких учебных заведениях, как правило, основной упор в учебном процессе сделан на получение прикладных навыков для профессий, преимущественно связанных с физическим трудом, и гуманитарные предметы отходят на второй план. Суммарно доля отметивших свой уровень грамотности как высокий и очень высокий наиболее высока в самой молодой возрастной группе (81%), в то время как в группах 35-55 лет и старше 55 лет она составляет 50% и 70% соответственно. С одной стороны, можно предположить, что в более молодом возрасте знания о языке и его нормах все еще прочно остаются в сознании. Следуя такой логике, доля отметивших свой уровень грамотности как высокий в группе старше 55 лет должна быть еще ниже. Поскольку это не так, то можно сделать вывод, что в более ранний период советского образования языковым нормам уделялось большее внимание, нежели в более поздний.

Отношение к нарушению языковых норм остается преимущественно негативным вне зависимости от возраста, пола и уровня образования – в целом две трети респондентов отметили,

что ошибки в речи и письме вызывают у них раздражение. Более того, 58% опрошенных отметили, что замечают нарушения языковых норм достаточно часто. Среди наиболее раздражающих ошибок (набравших более 50% голосов) оказались орфографические, лексические, использование просторечных форм и общее непонимание грамматики и морфологии языка. Наименьшее количество голосов набрали заимствования из иностранных языков (6, 7%) и использование сленга и жаргона (17, 8%), что в целом свидетельствует о лояльном отношении к динамическому изменению лексической составляющей языковых норм. Крайнюю важность соблюдению языковых норм больше всего придает самая старшая группа респондентов – 70% респондентов считает очень важным умение говорить и писать грамотно; такое же количество в этой возрастной группе отметило, что несоблюдение языковых норм для них является показателем необразованности человека. В то же время на вопрос «Считаете ли Вы правила русского языка слишком сложными и запутанными для восприятия?» утвердительно ответило ровно 50% от общего числа респондентов. Ответы распределились неравномерно по половозрастным категориям: чаще остальных положительный ответ давала самая молодая группа 14-35 лет (57% от числа ответивших в этой возрастной группе), в то время как доля считающих правила русского языка сложными в обеих группах 35-55 лет и старше 55 лет составляет 40%. Данный результат может свидетельствовать как о тенденции к усложнению правил русского языка, так и ухудшении качества преподавания русского языка в учебных заведениях, либо же устаревании системы языковых норм. Стоит отметить, что выше мы упоминали о более высоком уровне грамотности среди молодежи. Соответственно, логично предположить, что те, чей уровень грамотности более высок, больше уделяют внимания изучению системы языка, отчего она лучше понимают всю неоднозначность и многослойность этой системы, чем те, кто обладает средним уровнем грамотности и уделяет меньше времени изучению правил.

Достаточно любопытным является влияние половой принадлежности на отношение к роли языковых норм и их нарушениям. К примеру, мужчины более высоко оценили свой уровень грамотности, нежели женщины (крайне высокую степень

грамотности отметило 37% респондентов мужского пола и 11% женского пола), несмотря на меньшее количество среди них респондентов с высшим образованием – 36% среди мужчин и 50% среди женщин. При этом свой уровень грамотности как средний отметили 30% женщин и 21% мужчин. Ранее мы вывели прямую зависимость между уровнем образования и грамотности у человека (среди респондентов с высшим образованием уровень грамотности был наиболее высоким): отсюда можно сделать вывод, что женщины обладают меньшей степенью уверенности в себе и более критично себя оценивают, чем мужчины. В целом, женщины оказались несколько более внимательны к выявлению нарушений норм: 64% женщин и 43% мужчин отметили, что часто замечают ошибки в письме и речи. Тем не менее, мужчины проявляют меньшую терпимость к таким ошибкам; 78% мужчин считают их раздражающими, в то время, как среди женщин данную позицию разделяет 64%. Соответственно, крайнюю степень важности соблюдению языковых норм придает более чем две трети респондентов мужского пола, среди респондентов женского пола таких ответов в два раза меньше – только 30%. При этом на вопрос о том, считают ли респонденты человека, нарушающего языковые нормы, необразованным, утвердительно ответило большинство опрошенных как женского, так и мужского пола – 61% и 71% соответственно. Нормы современного русского языка слишком сложными для восприятия считают почти две трети респондентов женского пола; разделяющих это мнение мужчин оказалось значительно меньше – всего 28% ответили утвердительно на вопрос о сложности норм. Здесь прослеживается четкая связь: чем более сложной человек считает принятую на данный момент систему языковых норм и чем он более низко оценивает собственный уровень соответствия этим нормам, тем он терпимее относится к нарушениям нормы у других людей. Как мы видим, мужчины более уверены в своих способностях, высоко оценивая свой уровень грамотности. Поскольку в целом они не считают нормы языка сложными, мужчины придают необходимости соблюдать нормы большее значение, относясь к ошибкам менее толерантно, чем женщины. Такое распределение ответов соотносится с гендерным стереотипом, в котором женщины проявляют большую терпимость к чужим ошибкам и

при этом более критичны по отношению к собственным (Yarnell et al., 2015).

Дальнейшие пункты опроса были нацелены на выявление предпочтительного подхода к языковой норме – прескриптивного или дескриптивного. Респонденты должны были выбрать позицию, которая им больше импонирует – *правила русского языка должны оставаться неизменными* или же *они должны изменяться с течением времени, подстраиваясь под большинство носителей*. Как и в предыдущем вопросе, здесь мнения разделились ровно поровну, как по гендерной принадлежности, так и по общему количеству ответов, объединенных в одно целое. До проведения опроса мы предполагали, что более молодое поколение будет отдавать предпочтение дескриптивной позиции, поскольку для молодого человека достаточно типичны желание перемен и более свободные взгляды на культуру (язык является неотъемлемой частью культуры), в то время как более старшее поколение будет консервативнее. Это оказалось действительно так – среди самой молодой группы респондентов доля утверждающих о необходимости своевременных изменений в языке равна 68%, при этом респонденты 35-55 лет и старше 55 лет выбирали данный вариант в 8% и 50% случаев соответственно. Очевидно, что среди молодого населения есть запрос на возможное изменение парадигмы языковых норм – будучи наиболее активными участниками образовательного процесса среди прочих возрастных групп, молодежь чувствует несоответствие языка, который им преподают в учебных заведениях, с языком, который отображает их реальность. Примечательно, что среди респондентов самой старшей группы половина разделяет дескриптивистскую позицию. Возможно, что они ощущают утрату связи с младшим поколением из-за того, что зачастую им непонятен язык, на котором они говорят, поскольку причиной выбора данного высказывания они чаще выбирали необходимость фиксации новых слов в словарях.

На приведенных ниже рисунках (Рис. 1 и Рис. 2) можно увидеть причины, по которым чаще всего респонденты выбирали первое или второе высказывание:

Если Вы выбрали первое высказывание, то почему?

28 ответов

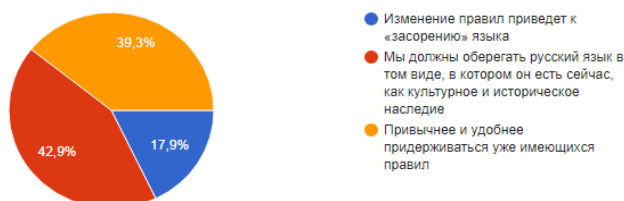

Рисунок 1

Если Вы выбрали второе высказывание, то почему?

28 ответов

Рисунок 2

Как мы видим, основной причиной выбора прескриптивной позиции является представление русского языка как культурного наследия, значительные изменения в котором могут способствовать утрате его исторической и культурной ценности. Второй по распространенности аргумент более прозаичен – респонденты отмечают, что уже имеющиеся нормы языка просто удобнее и привычнее соблюдать. Как правило, этот вариант отмечали респонденты, отрицательно ответившие на предыдущий вопрос о сложности и запутанности языковых норм русского языка. Также чаще всего этот вариант выбирала самая молодая группа (50% среди выбравших первое высказывание), в то время, как группа 35-55 лет чаще всего выбирала аргумент о культурной и исторической ценности русского языка (63 %). Если же говорить о причинах выбора дескриптивной позиции, то самой популярной

среди опрошенных является необходимость языка развиваться вслед за прогрессом общества в целом. Особенно данный аргумент распространен среди самой молодой группы – две трети опрошенных в возрасте 14-35 лет выбрали его, при этом вариант, отмечающий необходимость включения новой лексики в словари, оказался более популярен среди групп 35-55 лет и старше 55 лет.

Последние два вопроса касались отношения респондентов к вариативности языковой нормы (Рис. 3 и Рис. 4):

Как Вы относитесь к тому, что у одного слова может быть несколько вариантов правильного написания/произношения?

50 ответов

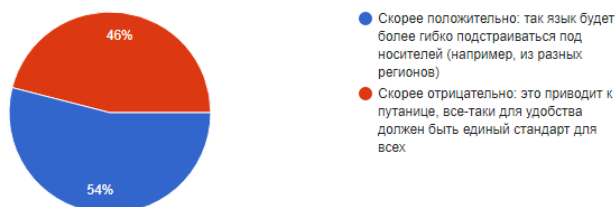

Рисунок 3

Большое разнообразие диалектов и акцентов – это хорошо или плохо?

50 ответов

Рисунок 4

Мы видим, что отношение к диалектному многообразию преимущественно положительное. Положительное отношение преобладает во всех возрастных группах, и особенно среди самой молодой – около 75% респондентов высказались в поддержку диалектного разнообразия. Другой вопрос не встретил такого единогласного принятия. Добавляя этот вопрос, мы опирались на

опыт таких языков, как английский, где может быть несколько равноправных вариантов написания и произношения слов в зависимости от страны. В данном случае молодежь ожидаемо положительно отнеслась к возможности разновариантности норм – примерно 68% опрошенных высказались в поддержку. При этом среди возрастных групп 35-55 лет и старше 55 лет положительно к этому отнеслись только 33% и 40% соответственно. То есть, как мы уже говорили ранее, именно среди молодого поколения преобладает стремление видеть язык более динамичным и гибко подстраивающимся под его носителей, в то время, как более старшее поколение в силу воспитания, привычки еще не готово к радикальным переменам в области языковых норм.

Выводы

Результаты исследования показывают, что восприятие роли нормы в русском языке достаточно неоднозначно. На протяжении всего прошлого столетия в русском языке складывалась прескриптивная традиция по отношению к нормам. В отличие от дескриптивного подхода, в котором узус устанавливает, что должно войти в норму, прескриптивный ставит кодифицированную норму выше узуса. Такой подход продиктован необходимостью в короткие сроки поднять уровень грамотности населения. Данная языковая политика отражалась в том числе и в консервативном отношении к языковой изменчивости и вариативности норм; такое отношение сохраняется в русском языке по сей день.

На основании изученного материала была составлена социолингвистическая анкета в форме закрытого анкетирования, участие в котором приняло 50 человек. Результаты опроса, проведенного для выявления доминанты общественного мнения о роли нормы в русском языке, оказались неоднородными. В целом в обществе преобладает негативное отношение к нарушениям норм; соблюдение норм считается неотъемлемой составляющей речи образованного человека. Кроме того, среди старшего поколения, еще заставшего систему советского образования, преобладают прескриптивистские взгляды на язык, поскольку попытка смены языковых норм воспринимается как утрата связи с языком как историческим и культурным наследием. При этом среди молодой группы населения растет количество разделяющих

позиции дескриптивизма, с более терпимым отношением к разным вариантам языка. Молодые люди чувствуют, что современные нормы языка не успевают вслед за развитием общества, ощущая потребность в переходе на новую парадигму норм русского языка. Получается, что прослеживается четкая связь между восприятием норм и возрастом человека. Здесь мы видим, что влияние на данную ситуацию оказывают процессы глобализации, направленные на более толерантное отношение к проявлениям индивидуальности человека, таким как акцент или диалект. Безусловно, пока нормы остаются достаточно жесткими и неподвижными. Однако мы можем предположить, что иерархия нормы и узуса в русском языке претерпит изменения в будущем (узус будет влиять на изменения в норме, а не наоборот), поскольку образованное большинство станет более восприимчивым к языковым нововведениям, и то, как говорит это образованное большинство станет основополагающим фактором включения того или иного языкового элемента в норму.

Литература

1. Антропова Л. И. Вариативность языковой нормы // Филология. Искусствоведение. – 2013. – Вып. 85. – С. 8-10.
2. Беликов, В. И. Стереотипы в понимании литературной нормы // Русский язык в условиях культурной и языковой полифонии. – 2009. – München – Berlin. – Die Welt der Slaven. Sammelbände. – Вып. 38. – с. 43-57.
3. Бойко Л. Б. «Язык изломан? Что ж! – глядите». О некоторых аспектах регулирования в языке // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2017. – Вып. 1. – с. 8-23.
4. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2671107> (дата обращения: 30.04.2020)
5. Вепрева И. Т. Языковая норма в зеркале речевой жизни современного общества // Научные труды профессоров Уральского института экономики, права и управление. – 2004. – Вып. 1 – с. 23-34.
6. Германова Н. Н. Эпистемологический маятник: дескрипция и прескрипция в грамматиках английского языка от эпохи

Просвещения до наших дней // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2019. – Вып. 1 (817). – с. 100-112

7. Ерофеева, Е. В. Норма: социопсихологический и статистический аспекты / Е. В. Ерофеева // Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 4(16). – с. 60-65.

8. Ефимова М. Р., Долгих Е. А. Статистическая оценка грамотности населения России: от умения читать до ученых степеней // Вопросы статистики. – 2016. – Вып. 9 – с. 77-84.

9. Иссерс О. С. Представления о речевой культуре через призму молодежного сознания (по данным регионального социолингвистического эксперимента) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2019. – Вып. 12 (10). – с. 1854-1867.

10. Калнынь Л. Э. Русские диалекты как компоненты современной языковой ситуации // Исследования славянской диалектологии. – 2015. – Вып. 19. – с. 8-13.

11. Крысин Л. П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. – 2017. – Вып. 2 (12). – с. 20-31.

12. Морген Н. О современном состоянии нового немецкого правописания // Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – Вып. 2 – с. 20-29.

13. Никопорец-Такигава Г. Ю. Языковая норма в постсоветской культурной ситуации // Язык, сознание, коммуникация. – 2004. – Вып. 26. – с. 33-38.

14. Словари XXI века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari21.ru/analytics/1200> (дата обращения: 11.05.2020)

15. Фонд общественного мнения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fom.ru/interaktiv/11237> (дата обращения: 14.05.2020)

16. Шмелев А. Д. Корпус или эксперимент? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». – 2012. – Вып. 11 (18). – с. 587-599.

17. Шмелев А. Д. Распространенная ошибка или новая норма: как отличить одно от другого? [Электронный ресурс] // Отечественные записки. – 2014. – Вып. 2. – Режим доступа:

<https://strana-oz.ru/2014/2/rasprostranennaya-oshibka-ili-novaya-norma-kak-otlichit-odno-ot-drugogo> (дата обращения: 30.08.2020)

18. Armstrong N., Mackenzie I. On prescriptivism and ideology // *Representaciones*. – Vol. 11, No. 2. – 2015. – pp. 27-58.

19. Kauhanen I. Norms and sociolinguistics description // *SKY Journal of Linguistics*. – Vol. 19, No. special supplement. – Helsinki, 2006. – pp. 34-46.

20. Lenz A., Plewnia A. On grammar between norm and variation // Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften. – 2010.

21. Nikolovski Z. Language planning and language standardization // *Horizons* – Vol. 17 – 2015. – pp. 165-175.

22. Straaijer R. Attitudes to prescriptivism: an introduction // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – Vol. 37. – 2016. – pp. 233-242.

23. Upton C. British English // *The Handbook of English Pronunciation*. – 2015. – pp. 251-268.

24. Yarnell L. M. et al. Meta-Analysis of Gender Differences in Self-Compassion. University of Southern California, Washington D. C. – 2015. – p. 22.

References

- Antropova, L. I. (2013). Variativnost yazikovoj normy [Language norm variation]. *Filologiya. Isskusstvovedeniye*, 85, 8-10.
- Armstrong, N., & Mackenzie, I. (2015). On prescriptivism and ideology. *Representaciones*, 11 (2), 27-58.
- Belikov, V. I. (2009). Stereotipy v ponimanii literaturnoj normy [Stereotypes towards understanding of literary language norms]. *Russkij yazik v usloviyakh kulturnoj I yazikovoj polifonii. Die Welt der Slaven. Sammelbände*, 38, 43-57.
- Bolshaya rossiyskaja entsiklopedija [Big Russian encyclopedia]*. (2020). Retrieved from: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2671107>
- Boyko, L. B. (2017). “Yazyk izloman? Chto zh! – glyadite!” O nekotorykh aspektakh regulirovaniya v yazyke [On some aspects of linguistic regulation]. *Bulletin of PNRPU. Issues in linguistics and pedagogics*, 1, 8-23.

- Erofeyeva, E. V. (2011). Norma: sociopsihologicheskij statisticheskij aspekty [Norm: sociopsychological and aspects]. *Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 4 (16), 60-65.
- Efimova, M. R. & Dolgikh, E. A. (2016). Statisticheskaya otsenka gramotnosti naseleniya Rossii: ot umeniya chitat do uchenykh stepenej [Statistic evaluation of Russia's population literacy: from ability to read to academic degree]. *Voprosy statistiki*, 9, 77-84.
- Fond *obschestvennogo mneniya* [Public opinion foundation]. (2020). Retrieved from: <https://fom.ru/interaktiv/11237>
- Germanova, N. N. (2019). Epistemologicheskij mayatnik: deskriptsija i preskriptsija v grammatikakh angliyskogo yazika ot epokhi Prosvescheniya do nashikh dnei [The 'Epistemological Pendulum': Description and Prescription in the Grammars of English from the Enlightenment to the Present]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, 1 (817), 100-112.
- Issers, O. S. (2019). Predstavleniya o rechevoy kulture cherez prizmu molodezhnogo soznaniya (po dannym regionalnogo sotsiolingvisticheskogo eksperimenta) [Representations of Speech Culture Through the Prism of Youth Consciousness (According to Regional Sociolinguistic Experiment)]. *Journal of Siberian Federal University. Humanity & Social Sciences*, 12 (10), 1854-1867.
- Kalnyn, L. E. (2015). Russkiye dialekty kak komponenty sovremennoy yazikovoy situatsii [Russian dialects as elements of modern linguistic situation]. *Issledovaniya slavyanskoy dialektologii*, 19, 8-13.
- Kauhanen, I. (2006). Norms and sociolinguistics description. *SKY Journal of Linguistics*, 19 (special supplement), 34-36.
- Krysin, L. P. (2017). K sootnosheniyu sistemy yazyka, ego normy i uzusa [On correlation between system of language, its norms and usage]. *Kommunikativnyje issledovaniya*, 2 (12), 20-31.
- Lenz, A., & Plewnia, A. (2010). *On grammar between norm and variation*. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften.
- Morgen, N. O. (2005). O sovremennom sostoyanii novogo nemetskogo pravopisaniya [On modern state of new German orthography]. *Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, 2, 20-29.

- Nikiporets-Takigava, G. Yu. (2004). Yazikovaya norma v postsovetskoy kulturnoy situatsii [Language norm in post-soviet cultural environment]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya*, 26, 33-38.
- Nikolovski, Z. (2015). Language planning and language standardization. *Horizons*, 17, 165-175.
- Shmelev, A. D. (2012). Korpus ili experiment? [Corpus or experiment?] *Komputernaya lingvistika i intellektualnyje tekhnologii*, 11 (18), 587-599.
- Shmelev, A. D. (2014). Rasprostrannaja oshibka ili novaya norma: kak otlichit odno ot drugogo [Common mistake or new norm: how to tell the difference]. *Otechestvennyje zapiski*, 2. Retrieved from: <https://strana-oz.ru/2014/2/rasprostrannaya-oshibka-ili-novaya-norma-kak-otlichit-odno-ot-drugogo>
- Slovari XXI veka [XXI century dictionaries]*. (2020). Retrieved from: <http://slovari21.ru/analytics/1200>
- Straaijer, R. (2016). Attitudes to prescriptivism: an introduction. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 37, 233-242.
- Upton, C. (2015). British English. *The Handbook of English Pronunciation*, 251-268.
- Vepreva, I. T. (2004). Yazikovaya norma v zerkale rechevoy zhizni sovremennogo obschestva [Language norm in reflection of modern society's speech habits]. *Academic papers of professors of Ural Institute of Economics, Law and Management*, 1, 23-24.
- Yarnell, L. M., Stafford, R. E., Neff, K. D., Reilly, E. D., Knox, M. C., & Mullarkey, M. (2015). *Meta-Analysis of Gender Differences in Self-Compassion*. University of Southern California, Washington D. C.